

ГЛАВА 1

Кабинет полковника Саркисяна был, наверное, самым грязным местом во всем Управлении федеральной безопасности земных колоний.

И не то чтобы Саркисян не любил порядка — скорее наоборот, но он совершенно не доверял механическим роботам-уборщикам. Следовало признать, что у него были для этого определенные основания.

В прошлом году один из них совершенно случайно стер магнитными полями своих сервомоторов важную запись с только что полученного агентурного донесения, и с тех пор вход им в кабинет Саркисяна был заказан. К сожалению, высокое начальство оставило без ответа два рапорта полковника, содержавших просьбу восстановить в управлении человеческую службу, отмененную во всех учреждениях еще лет двадцать назад.

Такое дорогое удовольствие выглядело бы сейчас чересчур вызывающе в глазах соседних ведомств. Только у президента сохранился до сих пор институт слуг, и попасть в этот привилегированный штат мечтал любой чиновник. Так что полковнику приходилось самому выкраивать время на уборку у себя в кабинете, а поскольку свободное время выдавалось у него нечасто, Саркисян вынужден был мириться с постоянным слоем пыли, рисовавшим на его столе причудливые узоры. Впрочем, злые языки в управлении говорили, что эта пыль вполне устраивала Саркисяна, позволяя ему во время сложной беседы с подчиненными, очередного разноса или выдачи сертификата на неординарное, опасное задание не отрывать

взгляда от крышки стола, словно он пытался найти в загадочных пылевых узорах ответ, который слишком явно смог бы прочитать на лице сидящего перед ним человека, не будь этих спасительных серых полос.

Неверов уже минут пятнадцать пытался угадать, для чего он понадобился полковнику и с чего это вдруг тот проявил такую трогательную заботу о его здоровье.

— Ты в отпуске когда был последний раз? — Саркирян спросил об этом совершенно ровным, естественным тоном, словно не он неделю назад написал на его заявлении с просьбой об отпуске резолюцию «Отказать» и словно Неверов не знал, что полковник никогда не забывал даже годовщин свадеб и рождений всех своих многочисленных подчиненных.

Однако субординация не позволяла Неверову даже усмехнуться в ответ на этот сакраментальный вопрос. Хотя он, эль-капитан Неверов, считался одним из лучших агентов управления и в личной беседе с начальством мог допустить определенные вольности, вопрос об отпуске был слишком болезненной темой, и Неверову не хотелось ни шутить, ни тем более делать вид, будто ничего не произошло.

Заявление об отпуске, в котором ему совсем недавно было отказано, появилось на свет отнюдь не случайно и вовсе не оттого, что Неверов вдруг смертельно устал от своих служебных обязанностей. Поэтому, не вдаваясь в подробности этого болезненного для его самолюбия дела, он ответил коротко и четко, с показной добросовестностью разглядывая вместе с полковником крышку его пыльного стола:

— Два года и четыре месяца назад.

— Ну вот, видишь... Для безопасника это очень большой срок, наша работа так выматывает нервы... Одним словом, я решил предоставить тебе возможность хорошенько отдохнуть. — Выдержав длинную паузу, позволявшую Неверову высказаться по поводу этого неожиданно привалившего счастья, и не дож-

давшись от того ни слова, Саркисян вздохнул и пододвинул эль-капитану большой белый пакет. — В районе Центавра пропал еще один корабль.

— Рейсовый? Пассажирский?

— Да. Ты оказался прав в своих предположениях. И хотя у нас нет никаких доказательств того, что это не простое совпадение...

— Третий звездолет в одном и том же месте? И опять никаких радиобуев, ни одной спасательной шлюпки?

— Спасатели прочесали весь район. Там ничего нет. Полетишь туда простым пассажиром на обычном рейсовом корабле. Здесь все необходимые документы. Маршрут и рейс выберешь сам, я верю в твою чертову интуицию. Если ничего не случится во время рейса, ну что же — тем лучше, тогда две недели отдохнешь на курортах Рамиды, а на обратном пути еще раз пролетишь через этот район. Честно говоря, я и сейчас не верю, что из этой затеи получится что-нибудь путное. Просто не представляю, что еще можно сделать в такой ситуации. Наши люди специально проверяли все корабли, отправлявшиеся в район Центавра, в том числе и последний... Что-то происходит во время рейса... Но у нас нет ни единой зацепки. Корабли исчезают бесследно, не оставив никаких следов и не успев передать ни одного сообщения.

— Они могли войти в оверсайд и потерять координаты обратного выхода...

— Вряд ли такое возможно. Навигационное оборудование звездолетов проверяется достаточно тщательно и до сих пор не давало никаких сбоев, и потом почему все исчезновения происходят в одном-единственном районе?

Саркисян опять надолго умолк, словно ожидая от Неверова какого-то ответа. Но тот молчал, предпочитая не усложнять ситуацию, и без того нелегкую для полковника, вынужденного, по сути дела, признать правоту своего подчиненного, предложившего еще до

исчезновения «Буревестника» начать операцию с подсадной уткой на его борту.

Наконец, с видимым усилием Саркисян оторвал взгляд от поверхности стола и впервые посмотрел в лицо капитана, на котором не отражалось ровным счетом ни одной мысли, словно Неверов находился в глубоком трансе.

— Почему, черт возьми, пропадают только пассажирские корабли? Флот специально барражировал этот район самыми разными посудинами. «Стремительный» болтается там до сих пор. И все безрезультатно.

— Ответ можно найти только на месте происшествия. И отзовите эсминец. Я предпочитаю «чистый» эксперимент, без воздействия посторонних факторов.

— Хорошо. Во всяком случае, я надеюсь, что все это не напрасно... Если операция ограничится только твоим отпуском, он обойдется управлению слишком дорого.

— Не представляю, каким образом смогу связаться с вами. Вдруг все произойдет во время очередного пространственного броска? И вряд ли мне удастся донести до светлых очей начальства ценные сведения, ведь корабль может выйти из оверсайда в неизвестном районе космоса. Тогда не обессудьте, если он исчезнет вместе со мной.

— А это уж твоя забота, Неверов. Ты сам предложил эту операцию.

Неверов молчал чуть дольше, чем допускали приличия и правила субординации. Уж это-то он мог себе позволить в сложившейся ситуации. Только когда едва заметный тик, весьма похожий на улыбку или гримасу, слегка исказил бесстрастное лицо полковника, он наконец нарушил молчание:

— Тем не менее мне понадобится поддержка.

— Любая мыслимая поддержка будет тебе оказана, ты даже сможешь в случае крайней необходимости воспользоваться своей белой картой. Четыре корабля

класса «Перехватчик» будут барражировать район Центавра во время твоего «отпуска». Я распоряжусь, чтобы они держались подальше от места исчезновений, но они будут достаточно близко, чтобы в случае необходимости прийти на помощь.

Это было уже кое-что. Белая карта давала Неверову право взять под свое временное командование любое военное или гражданское судно федерации.

— При всей своей интуиции я не могу гарантировать успешное завершение операции. Из десяти кораблей, проходящих через район Центавра, исчезает только один.

— Ты уж постарайся, голубчик. Иначе, при такой поддержке, твой отпуск... Ну, ты сам все понимаешь. В этом случае тебе еще долго придется носить нашивки эль-капитана.

Теперь сказано было почти все. Официальная часть беседы завершилась, и он позволил себе несколько расслабиться. В конце концов, они знали друг друга не первый год, и уйти сейчас, ничего не сказав на прощание, казалось Неверову невежливым. Словно прочитав его мысли, Саркисян невесело усмехнулся.

— Не знаешь, как от меня отделаться? Ладно уж, иди.

Сейчас, после того как были сказаны последние напутственные слова, эль-капитаном вдруг овладели сомнения.

— Я могу не угадать рейса. На карту поставлено слишком много. Я могу ошибиться.

— Кто угодно — только не ты.

— И все же на вашем месте я бы подстраховался, отправив агентов на все ближайшие рейсы в этот район.

— Когда-нибудь ты, может быть, окажешься на моем месте. А пока тебе, возможно, станет спокойнее, если я скажу, что это уже сделано. Однако выбор твоего рейса по-прежнему остается за тобой. Если понадобится, я произведу все необходимые перестановки.

Спустя неделю Неверов сидел за угловым столиком возле самого бара, в кают-компания пассажирского звездолета «Севастополь».

Это был его первый отпуск за два года службы. Хотя отпуском полученное задание можно было назвать с большой натяжкой, тем не менее обстановка на борту пассажирского звездолета разительно отличалась от казарменной жизни на Ригосской базе, где он провел последние три года своей службы, за исключением периодов его непосредственного участия в самых различных операциях безопасников.

В гражданской одежде Неверов чувствовал себя неудобно. Пиджак казался ему мешковатым и в то же время тесным, узконосые ботинки неприятно сдавливали пальцы ног, рука то и дело тянулась привычным жестом к несуществующей португее. Но все эти мелкие неудобства стоило вынести — не такая уж большая плата за то, чтобы на тебя не пялили глаз и не шарахались в сторону, заметив меч, скрещенный с ракетой, на нагрудном знаке.

Гражданская одежда, да и большая часть «легенды» были его собственным изобретением.

«Севастополь» шел от Рангона, через Третью Центавра к Рамиде — на этой планете располагались самые дорогие и модные курорты федерации.

За годы службы на всем готовом у Неверова скопилось порядочная сумма, и не было нужды экономить на мелочах. Кроме того, он ощущал настоятельную потребность хотя бы временно, до тех пор пока позволяли обстоятельства, почувствовать себя в самом настоящем отпуске, прочувствовать и даже посмаковать те многочисленные радости отпускного вояжа, которые должен был испытывать созданный его воображением Симптон, преуспевающий менеджер торговой фирмы «Браун-клюд», существуй он на самом деле.

Каюту он взял в первом классе и даже решил не пользоваться служебной расчетной карточкой, хотя и потерял при оплате билета наличными почти пятна-

дцать процентов от его стоимости. Зато сохранил полную анонимность.

В этом, собственно, не было особого резона. Если «Севастополю» не суждено долететь до места назначения — это произойдет независимо от того, кто окажется на его борту. Слишком серьезное это дело — пропаша звездолета, чтобы на нее могла повлиять личность какого-то капитана Неверова. Но чужое имя и гражданская одежда, кроме чувства полной раскованности, давали ему еще и дополнительное, хотя и несколько иллюзорное ощущение безопасности.

У сотрудников корпуса во внешнем мире было немало врагов, а такие планеты, как Рамида, привлекали к себе множество всякого сброда.

Вообще-то Неверов любил свою работу и втайне гордился службой в частях, вот уже второе столетие сохранявших мир во всех внешних колониях Земной Федерации. Но форма ко многому обязывала и заставляла бы его держаться в постоянном напряжении. А он сейчас хотел только покоя и тех многочисленных радостей, которые мог позволить себе человек его возраста, не слишком стесненный в средствах.

В конце концов, если его хваленая интуиция не подведет на этот раз и «Севастополю» действительно суждено исчезнуть в неведомых просторах космоса, тем более следовало оставшееся до этого события время проводить со вкусом, наслаждаясь жизнью.

Кают-компания «Севастополя» была довольно просторной. Здесь пассажиры завтракали, обедали, а по вечерам танцевали и смотрели эстрадные шоу по корабельному виуму. Сейчас для ужина было еще слишком рано, и потому народу собралось немного — всего человек пять разношерстной публики из тех, кому кошелек позволял оплачивать круизы на Рамиду.

Неверов не любил этих гражданских толстосумов, добывавших свои деньги не слишком тяжелым трудом. Рантье, банковские клерки, торговцы. Он старался держаться от них подальше, следуя своему обычно-

му правилу — не заводить знакомств со случайными попутчиками. Даже сейчас, когда ему так необходима любая дополнительная информация об этом рейсе, он понимал, что сведения, которыми располагала эта публика, для него бесполезны.

Однако на этой посудине ему предстояло провести почти полтора месяца. Большая часть этого времени уходила на разгон корабля до субсветовой скорости, и потому почти все рейсы звездолетов укладывались в этот срок независимо от расстояния. Серия же конечных пространственных прыжков, выводящая корабль к намеченной цели, занимала всего несколько дней.

Неверов держался особняком не столько из обостренного чувства осторожности, сколько из-за особенностей своего замкнутого, нелюдимого характера, сослужившего немалую роль в конечном выборе его профессии.

Но он понимал, что до конца рейса все равно не удержится от какого-нибудь случайного, мимолетного знакомства с лицом противоположного пола, да и не собирался себя в этом ограничивать. В конце концов, за время службы он достаточно долго не видел женщин и сейчас смаковал все новые возможности, открывшиеся для него в этом, не совсем обычном задании. Коль скоро ему предназначили роль подсадной утки — начальство может не сомневаться в том, что он будет вести себя вполне естественно. Именно так, как вел бы себя на его месте настоящий Симптон. Вот только «Севастополь» не слишком подходящее место для дорожных знакомств. Одиноких женщин среди пассажиров почти не было, а те, что могли себе позволить истратить на билет несколько тысяч кредитов, не воспользовавшись для этого карманом своего спутника, держались слишком уж независимо и высокомерно.

Эти холеные красотки, увешанные дорогими побрякушками, не вызывали у Степана особого интереса — возможно, оттого, что он слишком хорошо знал,

какой высокой может оказаться цена такого случайного знакомства.

Но скорее всего причина его неприязненного отношения к этим женщинам крылась совершенно в ином. Наверно, так чувствует себя человек с пустым карманом, разглядывающий витрину ювелирного магазина. Он знал, что женщины, избалованные богатством и вниманием окружающих, вряд ли обратят внимание на какого-то провинциального эль-капитана, пусть даже и служащего в знаменитом корпусе внешней безопасности. Они жили в ином мире, к которому он никогда не будет принадлежать.

Однако сегодня он был Симптоном — напомнил он себе, и, если ему удастся сыграть свою роль достаточно правдоподобно, результат может быть совершенно иным. Тем более что подобная игра — это одновременно и тренировка, и проверка надежности его легенды.

Когда одна из таких женщин в сопровождении то ли лакея, то ли охранника вошла в кают-компанию и величественной походкой направилась к заранее приготовленному для нее столику в центре зала, Степан не стал выпускать ее из поля зрения.

Ее спутник скромно держался позади и остался стоять чуть в стороне, прислонившись к колонне и внимательно осматривая зал.

Скорее всего это был телохранитель, и, значит, она могла оплатить билет не только себе, но и этому мускулистому парню.

Действительно ли он был лишь охранником или по совместительству исполнял роль ее любовника? Степан невольно поежился, представив на секунду себя на его месте.

Ни за какие блага в мире он не согласился бы променять свою, пусть даже ограниченную жесткими армейскими правилами, свободу на унижительное, рабское положение человека, полностью зависимого от капризов хозяйки.

Словно почувствовав его взгляд, женщина приподняла голову и впервые посмотрела в его сторону.

Глаза у нее были поразительные, полные какой-то ослепительной, синей голубизны, в которой так легко утонуть.

Она была красива — слишком красива. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. На протяжении веков происходил естественный отбор. Богатство и женская красота всегда существовали вместе.

На ней почти не было драгоценностей, хотя в последние годы стало модным выставлять напоказ свою состоятельность. Те дамы из высшего общества, которые могли себе это позволить, напоминали витрину ювелирного магазина.

В глубоком вырезе платья незнакомки сверкал единственный синий камень. Но, присмотревшись, Неверов понял, что это бирюсит с планеты Хамсин. Цена такого камня равнялась нескольким миллионам кредитов. Примерно столько стоил небольшой космический корабль.

Неожиданная шальная мысль накатила на него, как волна.

«Вот сейчас встану и приглашу ее танцевать, чем я, черт возьми, рискую? Ну пошлет она меня куда подалее, по крайней мере посмотрю на нее вблизи...»

Он шел к незнакомке через весь пустой зал кают-компаний. Ноги словно сами несли его, не подчиняясь голосу рассудка. Было в этом нелепом порыве что-то от внутреннего протеста. Человек не имел права на такое баснословное богатство, чтобы носить на себе бирюсит, как обыкновенное украшение.

Кто она такая? Известная актриса реала? Модная топ-модель? Всего этого вместе было бы недостаточно для такого камня... Скоро он все узнает. Сделает запрос в информационной сети и, может, будет гордиться этой минутой, когда увидел ее так близко...

В кают-компаниях играла приглушенная плавная музыка. По вечерам здесь танцевали, но сейчас еще

слишком рано, и его приглашение будет выглядеть вдвойне нелепо.

Однако он уже не мог остановиться. Он видел только ее глаза. Что-то в них дрогнуло, когда она поняла, что он идет к ее столику, — что-то, весьма напоминавшее испуг.

Кого могла бояться такая женщина? Вся ее жизнь, вероятно, походила на непрерывный праздник, и она скорее всего привыкла к постоянному вниманию мужчин. Однако сейчас ее поведение было по меньшей мере странным.

Он понял это, когда испуг в ее глазах превратился в настоящую панику. Незнакомка бросила отчаянный взгляд в сторону своего телохранителя, привстала, словно собиралась убежать, и вновь без сил опустилась в кресло. Неверов уже стоял перед ней, слегка наклонив голову.

— Вы позволите пригласить вас на танец? — Степан не узнал своего хриплого, дрожащего голоса. Ее отчаянное, непонятное волнение передалось ему.

— Танец? Какой танец? Разве здесь танцуют?

— Дама не танцует! Отойди от нее!

Амбал, только что стоявший у колонны, был теперь в полуметре от Степана. Скорость, с которой он преодолел разделявшее их расстояние, говорила о многом, и Неверов понимал, что нарывается на неприятности, возможно, даже большие. Но останавливаться не собирался, во всяком случае не по требованию этого мужика.

— Сам отойди.

Выпад со стороны амбала последовал почти мгновенно, как только до него дошел смысл ответной фразы Степана. Но реакция, отточенная годами тренировок, позволила Неверову не только перехватить летящий ему в лицо кулак, но и одновременно провести второй, свободной рукой небольшой, незаметный со стороны приемчик.

Едва пальцы его левой руки коснулись нервного

узла на шее противника, как тот начал заваливаться назад, и Степан с трудом удержал его обмякшее тело своей правой рукой. Слегка повернувшись, он усадил телохранителя в свободное кресло рядом с дамой и, словно извиняясь, сказал:

— Не надо махать руками на незнакомого человека.

Неверов уже полностью овладел собой и отчетливо понимал, что из безобразной сцены, которую он только что спровоцировал на глазах у незнакомки, вряд ли найдется достойный выход. К тому же, похоже, прахом пошли вся его тщательно разработанная легенда и все прочие, связанные с ней благие намерения. Но почему-то ему это сейчас было глубоко безразлично.

Вскочив со стула в момент столкновения, она стояла теперь прямо перед ним, но испуг в ее глазах исчез, превратившись в какое-то другое, непонятное чувство.

— Вы хоть понимаете, что натворили?

Терять ему теперь было нечего, и, бесшабашно усмехнувшись, он ответил не без тайной бравады, неправильно истолковав ее волнение:

— Да ничего с ним не случится, минут через пять очухается.

— Я жена Тонино Морандо, а это его телохранитель.

Неверов похолодел. Все-таки он достукался. Достукался. В службе безопасности не было человека, который бы не знал про Морандо.

Этот мерзавец заправлял целой империей. Наркотики, контрабанда. Говорили, что у него есть собственные космические корабли, и поэтому все усилия федеральных служб выследить и поймать крестного отца разветвленной мафиозной организации, охватившей своими щупальцами большинство внешних колоний федерации, всегда оканчивались неудачей.

Порой Степану казалось, что неуловимость Морандо обеспечивали вовсе не космические корабли, а самые обыкновенные деньги...

Все эти мысли промелькнули в его голове еще до того, как он полностью осознал всю опасность ситуации, в которой теперь очутился. Люди Морандо могли убрать любого без всякого повода, если он чем-то не понравился боссу. А уж поднять руку на его личного телохранителя, да еще на глазах посторонних людей волочиться за его женой... Вот откуда у нее этот камень... Интересно, скольких жизней он стоил?

— Где сейчас ваш муж? Он здесь, на корабле?

— Если бы он был на корабле, вас бы уже... — Она замялась на секунду и закончила другим тоном: — Нет, я не знаю, где он сейчас. Он должен встретить меня в космопорту Рамиды. Но здесь наверняка есть еще кто-нибудь из его охраны. Я их всех не знаю. Он всегда так делает.

Она говорила торопливо, проглатывая слова, и только сейчас Неверов начал понимать, что больше всего она боялась, что его убьют прямо у нее на глазах. И ее опасения вовсе не казались Степану такими уж беспочвенными. Вот когда он пожалел, что станер пришлось сдать в багаж...

— Сядьте, — приказала она ему. — Да садитесь же за мой столик, сделайте вид, что ничего не произошло! Может, они еще ничего не заметили.

— Сейчас заметят. Ваш охранник приходит в себя.

— Так сделайте что-нибудь!

Ему потребовалась секунда, чтобы понять, что она имеет в виду, и еще секунда, чтобы поверить в то, что она на его стороне. Решившись наконец, он достал из кармана зажигалку, с виду ничем ни отличавшуюся от тех, что продавались в любом киоске.

Одно нажатие на регулятор газового клапана, и тонкая струйка бесцветного газа коснулась ноздрей охранника. После этого Степан щелкнул пьезокристаллом и прикурил сигарету от бледного огонька. Газ горел. Но в нем содержался достаточно сильный наркотик с психотропным эффектом.

— Он будет спать еще минут двадцать, а когда проснется, ничего не вспомнит.

Она посмотрела на него с недоверием.

— Вы из полиции?

— Нет. Просто я забочусь о собственной безопасности.

— Ладно. Это не важно. С остальным я справлюсь сама. Теперь уходите.

— Когда я увижу вас снова?

Слова сорвались словно бы сами собой, против его воли.

— Похоже, вы и правда ненормальный.

В конце концов ему пришлось уйти, так и не давшись ответа на свой вопрос.

ГЛАВА 2

Все последующие три дня Неверов ждал продолжения этой истории. Но ничего не происходило. Каждый вечер он отправлялся в кают-компанию, словно на дежурство, в один и тот же час, но так и не встретил ее ни разу.

В корабельном информатории он узнал ее имя и номер каюты. Ее звали Элайн Мондего. В том, что она не захотела носить фамилию мужа, не было ничего удивительного.

Попытка разыскать ее каюту не принесла успеха. Она жила в отсеке люкс и снимала его целиком. Там стояла такая охрана, преодолеть которую в случае необходимости было бы непросто даже для него со всем его опытом. Да и не было для этого серьезной причины, он и так достаточно наломал дров. Предъявлять свои особые полномочия ради того, чтобы познакомиться с понравившейся женщиной? Он умел соблюдать меру в таких делах.

Приходилось терпеливо ждать — рано или поздно он все равно встретит ее. Корабль не такой уж боль-

шой, а путешествие предстояло долгое. Одно для него оставалось неясным: почему его так интересует Элайн Мондего? Уж во всяком случае не из-за Морандо. Он прекрасно знал, что ничего не сможет сделать. Да и вообще деятельность Морандо не входила в сферу компетенции его отдела.

Во время оверсайда связь с базой отсутствовала, но даже если бы он сумел отправить в центр сообщение — это бы ровно ничего не изменило. Много раз в управлении получали сведения о местонахождении Морандо, но все хорошо спланированные и неплохо организованные операции по его поимке проваливались. То ли причина была в том, что из-за утечки информации Тонино узнавал о них заранее, то ли потому, что высокое начальство не слишком стремилось его поймать.

В конце концов Неверов вынужден был признать, что в его интересе к Элайн не было ничего профессионального. Самое странное заключалось, пожалуй, в том, что многообещающие планы дорожных знакомств с женщинами больше его не интересовали.

Шла уже вторая неделя разгона. Скорость корабля стала достаточной для оверсайда. Приближалось время первого пространственного прыжка, после которого корабль должен был выйти в район Центавра и продолжить разгон к Рамиде. Если он не ошибся в выборе рейса, то события, связанные с его заданием, должны были начаться как раз перед вторым прыжком. Однако подготовка к похищению корабля, если имело место действительно похищение, должна была начаться заранее. Ему следовало сейчас быть предельно внимательным и сосредоточиться на работе, а он вместо этого целыми днями думал об Элайн...

Во время прыжка кораблем управляли три человека. Всегда три. Кибернетик, штурман и капитан.

Кибернетик, маленький верткий человечек, рабо-

тавший одновременно на трех терминалах, выводил на четвертый, самый большой дисплей, стоявший напротив капитанского кресла, длинные таблицы поправок. Даже сверхскоростные компьютеры не успевали вовремя свести воедино все данные, необходимые для вычисления окончательных координат прыжка.

На самом последнем этапе требовалась человеческая интуиция, помноженная на многолетний опыт. Слишком велико было количество постоянно менявшихся факторов.

Реперные звезды, служившие точками отсчета, постоянно смещались, менялись трехмерные координаты места выхода, вся Галактика с бешеной, непостижимой для человеческого ума скоростью неслась в пространстве, вращаясь и постоянно перемешивая все свои объекты. Лишь гигантские расстояния мешали глазу за слишком короткий срок человеческой жизни заметить это хаотическое перемещение звезд на небосклоне родной планеты.

Но в данном случае расстояние, которое собирался преодолеть корабль, равнялось нескольким световым годам, а звезды давно уже были не там, где их видели люди из той точки пространства, в которой они находились в настоящий момент.

Антони Ленц получил диплом штурмана шесть лет назад. Восемь лет — предельный срок, отпущенный человеческому мозгу при тех чудовищных нагрузках, которым он подвергался во время расчета очередного перехода. Ленцу оставалось еще два года. Но этот теоретический средний барьер времени каждый преодолевал по-своему. Все решала ежегодная экспертная медицинская комиссия. И Ленц знал, что это его последний полет.

Дрожь в руках, постоянные головные боли по ночам, неожиданный отказ памяти вспомнить какой-нибудь хорошо знакомый пустяк, имя или номер вифона своего друга. Он прекрасно знал, что означают эти грозные симптомы.

Наверно, он не должен был отправляться в полет, не должен был тянуть до последнего предела... Но предполетный осмотр прошел благополучно. Ему удалось обмануть не только врачей — он и сам поверил в то, во что так хотелось верить. Пустяки, временная усталость, все пройдет...

Никто не уходил раньше времени, никто не мог добровольно расстаться с тем необыкновенным ощущением, которое приходит к человеку лишь в тот миг, когда черная бездна, испещренная огнями звезд, превращается в бешеный хоровод, заворачивается в спираль уплотненного пространства, вызванную к жизни его собственным разумом. В этот миг человек чувствовал себя богом.

Но в этот раз все было не так. Он ощутил это перед самым началом второго разгонного броска. Словно в великолепной пространственной симфонии прозвучала фальшивая нота.

Значительно позже, лежа один в своей каюте, он попытался понять, что же, собственно, произошло. Приборы ничего не показали. После того как корабль вышел в обычное пространство и стал готовиться к следующему броску, зафиксированное бортовым компьютером отклонение оказалось в пределах нормы.

Ленц рассчитал дополнительную поправку, ввел ее в машину и не счел нужным доложить капитану об этом незначительном происшествии, хотя в тот вечер понял, что происходит нечто весьма странное и причина нарастающей угрозы, которую он ощутил всем своим существом, не есть результат его ошибки, она находится где-то вовне.

Он чувствовал ее присутствие, но не смог бы оформить в точные слова свои смутные ощущения — просто что-то пошло не так.

Над дверью вспыхнул зеленый огонек. Мягкий звук зуммера сообщил Ленцу о посетителе. Даже не удосужившись встать с дивана и узнать, кто пришел, Ленц

нажал на подлокотнике кнопку, открывающую дверь. Члены экипажа частенько навещали друг друга во время рейса, не беспокоя себя предварительным сообщением по корабельному фону, но вошедшего человека он не знал. Ленц сел, растерянно нащупывая халат и чувствуя себя неловко под пристальным оценивающим взглядом вошедшего, высокого, элегантно одетого мужчины.

— Простите... Я думал, это кто-то из наших...

— Не стоит извиняться, Антон Виртович. Это я должен извиниться за свое неожиданное вторжение.

Больше всего Антони поразило отчество «Виртович», услышанное из уст незнакомца. Никто и никогда не называл его так. У него на родине человеку вполне было достаточно одного имени.

— Вы знаете, как зовут моего отца? — растерянно спросил Антони, справившись наконец с застежками халата.

— Я знаю даже, что это ваш последний полет, и, возможно, он станет последним для всех нас.

— Кто вы такой?

— Я сотрудник службы безопасности. Капитан Неверов.

— Я что, арестован? — спросил Антони, не сумев скрыть дрожи в голосе.

— Помилуйте, господин Ленц, за что?

— Тогда чего вы от меня хотите?

— Всего лишь информации. Мне показалось, что после второго прыжка дважды включался форсаж. Одна поправка после выхода из оверсайда — дело обычное, бывает и вторая, но в данном случае... Видите ли, я оказался на вашем корабле специально для того, чтобы предотвратить возможное несчастье.

— Несчастье? О чем вы говорите?!

— В этом районе пропало уже несколько кораблей.

Лицо у Антони как-то вдруг сразу осунулось и постарело. Он сжался, словно от удара, и Неверову ка-

кое-то время пришлось подождать, прежде чем Ленц переварил его сообщение.

— Я предчувствовал, что-то должно было случиться с этим рейсом... — пробормотал Ленц, безуспешно пытаясь взять себя в руки. — Мне нужно было отказаться от полета, жена просила меня... Но я подумал — последний раз, хотелось еще раз увидеть звезды...

— Ладно, вы их увидели. А теперь возьмите себя в руки и расскажите, что происходит?

— Да ничего не происходит! Как только начинается оверсайд, на девяносто процентов кораблем управляют машины! Откуда мне знать, что там у них происходит? Я просто нажимаю кнопки!

— Прекратите истерику. Вы ввели координаты, нажали кнопку, что случилось потом? Расскажите все ваши ощущения, даже не имеющие прямого отношения к делу. Меня интересуют абсолютно все подробности.

— Потом, после выхода, начались обычные замесы... Отклонение в пределах нормы. Я ввожу поправку, корабль реагирует немного странно...

— Что значит странно?

— Ну, он отклонился в сторону Центавра чуть больше, чем следовало, пришлось вводить еще одну поправку...

— И что же?

— Мы вышли в расчетную точку и стали наращивать скорость, готовясь к следующему прыжку. Я даже не доложил об этом капитану, хотя, по-моему, его бы это не заинтересовало...

— Это еще почему?

— Последние дни он редко появляется в рубке и выглядит не совсем обычно...

— Как это «не совсем обычно»?

— Раньше он интересовался каждой мелочью, требовал доклада при любой поправке курса. Сейчас все изменилось. На вахте он какой-то сонный, взгляд отсутствующий, такое впечатление, словно он болен.

— Только этого нам сейчас и не хватало... Ладно,

что происходит с капитаном, я постараюсь выяснить сам. Но прежде чем начать следующий прыжок, вы свяжетесь со мной. Вы его не начнете, пока не получите моего разрешения. Вы меня поняли?

Ленц нахохлился и, вскинув голову, неожиданно заявил:

— Такое разрешение может дать только капитан корабля! Вы мне даже своих документов не показали!

Неверов вздохнул и с неохотой вытащил из нагрудного кармана белый пластиковый квадратик. Этой карточкой разрешалось пользоваться лишь в самых крайних экстраординарных ситуациях. Он не был уверен, что теперь настал именно такой момент. Но ему не хотелось рисковать. Он должен был взять ситуацию под контроль, прежде чем с кораблем случится что-нибудь непоправимое. Если Ленц направит корабль в следующий прыжок до того, как будет установлена причина этих странных сбоев в навигационном оборудовании, последствия могут оказаться самыми печальными.

— Можете считать, что для вас теперь капитан — я. Однако ни об этой карте, ни о нашем разговоре вы не скажете никому ни слова. Вы меня поняли?

Карта произвела на Ленца должное впечатление. Там была большая правительственная печать и даже личная подпись президента. Рука Ленца слегка дрожала, когда он вернул ее обратно Неверову. Впечатление было настолько сильным, что он так и не смог выдавить из себя ответ и лишь молча кивнул в знак согласия.

ГЛАВА 3

Мрачный Неверов сидел в корабельном баре на своем обычном месте. Это был пятый день его вечерних бдений. Он всегда приходил в один и тот же час. В тот самый, в который встретил Элайн. Его вполне устраивало, что перед ужином кают-компания была

почти пуста. По крайней мере никто не мешал его невеселым мыслям.

Он почти не сомневался, что все произошедшие в этом районе исчезновения начинались именно с таких, едва уловимых пустяков, о которых рассказал штурман. Но в этой области он чувствовал себя совершенно беспомощным.

Все его расследование топталось на месте. Собственно, установить истину можно было одним-единственным способом — залезть в компьютерные навигационные программы. И это было как раз то, чего он сделать не мог. Пожалуй, не мог никто из находившихся сейчас на борту «Севастополя». Программы были настолько сложны, что для проверки потребовался бы не один день работы большой группы высококвалифицированных земных специалистов. К тому же на Земле перед отправкой «Севастополя» их проверяли, и у Неверова не было причин сомневаться в качестве этого контроля. Следовательно, тогда они были в порядке, а изменения — если они были — появились уже во время рейса...

К этим программам даже капитан корабля не имел прямого доступа. Приняты все необходимые меры защиты, и тем не менее...

Пока еще у него был выбор. Можно, например, вернуть «Севастополь» на базу и произвести повторную проверку... Он представил, во что это обойдется, представил шестизначные цифры на счетах транспортной компании, которые будут предъявлены управлению для уплаты всех неустоек, и горько усмехнулся. Для подобных действий у него не было достаточных оснований.

Чтобы хоть как-то приглушить свои невеселые раздумья, Неверов решил заказать следующий бокал тоника и повернулся к пустующей стойке бара, выполнявшей на кораблях декоративную функцию. Лишь затем, вспомнив, где находится, он нажал на пульте своего столика нужную кнопку.

Бокал с золотистым тоником появился перед ним незамедлительно, а сумма реалов в корабельной расчетной карте, которую он приобрел за наличные вместе с билетом, уменьшилась на соответствующую стоимости бокала цифру.

— Вы позволите?

Степан давно уже заметил высокого грузноватого мужчину, упрямо лавировавшего между столиками, пробираясь к тому месту, где сидел Неверов. Возможно, это наконец тот самый случай, которого он ждал целых пять дней. Так или иначе, неопределенная ситуация, связанная с охранником Элайн Мондего, должна была разрядиться каким-то конкретным действием.

Скорее всего это был второй телохранитель, о котором упоминала Элайн... Интересно, имеет ли Морандо какое-нибудь отношение к пропажам пассажирских кораблей? Да нет, вряд ли — во всяком случае, не к этому. Иначе здесь не было бы его жены. Разве что он решил избавиться от нее навсегда... Дороговатый, правда, способ — но Морандо денег не считает... Как и человеческие жизни.

— Разве здесь мало свободных мест?

Если это случайный пассажир, такой недружелюбной фразы окажется вполне достаточно, чтобы его спровадить. Неверову не хотелось тратить время на пустую болтовню.

— Извините. Мне хотелось с вами поговорить.

— В таком случае садитесь. И о чем будет разговор?

Но незнакомец явно не торопился. Он заказал себе тоник и маленькими глотками стал его прихлебывать, внимательно и слегка настороженно разглядывая Неверова.

— Вам не показалось странным, что за последние три дня мы дважды меняли курс?

Начало разговора несколько разочаровало Неверова. Кажется, он ошибся, этот человек не был похож на профессионала. Хотя Неверов знал, что профессионалы очень высокого класса могут выглядеть имен-

но так, не вызывающими никаких подозрений. И все же к Морандо он скорее всего не имел никакого отношения. Разумеется, Неверов не собирался делиться своими сомнениями с первым встречным, а тем более делиться с ним информацией, полученной от Ленца, и потому сказал:

— Я не штурман, но мне кажется, перед началом броски всегда проводятся какие-то корректировки.

— Я тоже не штурман, но знаю, что обычно такие корректировки проводят всего один раз.

Такая осведомленность собеседника говорила о многом. Вряд ли это пассажир, решивший поболтать в баре с первым попавшимся собутыльником.

— Вы служили во флоте?

— Я служил во многих местах. Ковентри, к вашим услугам. — Он слегка наклонил голову, но так и не пояснил, какое отношение к космическому флоту имела его фамилия. — То, что происходит на этой посудине, мне определенно не нравится. Капитан нарушил одну из давних традиций, не появившись на вчерашнем торжественном ужине. На флоте никогда не нарушают традиций без очень веских на то причин. Кроме того, форсаж. Во второй раз они включили форсаж, истратив при этом чертову уйму драгоценного горючего.

Наблюдательность нового знакомого становилась все более интересной, и его появление в баре больше не казалось Неверову случайным.

— Почему вы решили именно со мной поделиться своими наблюдениями?

— Потому что среди толпы праздных идиотов, прожигающих свои жизни на модных курортах, вы показались мне человеком дела. А сейчас, я думаю, наступил момент что-то предпринять, чтобы выяснить, что же происходит на борту «Севастополя». Потом будет поздно.

— Почему?

— Потому что если мои предположения верны, наш корабль сбился с курса. Не знаю уж, по какой при-

чине. И если в таких условиях капитан все же решится на дальний бросок, надеясь откорректировать ошибку после выхода из надпространства, мы можем оказаться совершенно не там, куда направлялись. Больше того, при таких слепых бросках фактор неопределенности траектории лавинообразно нарастает. Мы можем оказаться в таком месте, координаты которого не сумеем установить.

— Послушать вас, так мурашки по коже бегут. Я не думаю, чтобы нашим лайнером управляли столь несведущие в навигации люди.

— А вы когда-нибудь слышали о затерявшихся в этом районе кораблях, вы знаете, скольких из них флот недосчитался в течение года?

А вот это уже становилось совсем интересно. Секретная информация не предназначена для посторонних ушей. Если она известна этому типу на законных основаниях, он не стал бы ею делиться со случайным знакомым. Что-то в его поведении было неправильно. Но совсем не то, о чем Неверов подумал вначале. Для простого боевика этот человек знал слишком много.

Приближалось время начала ужина, и кают-компания постепенно наполнялась людьми, спешившими занять наиболее удобные, развернутые к эстраде столики. Очевидно, объявленная на сегодня программа виомного концерта вызвала у пассажиров повышенный интерес.

Не ответив на последний вопрос своего собеседника, Неверов выдержал длинную паузу, сделав вид, что всерьез увлечен своим коктейлем, но так и не решил, что делать дальше. Это зависело прежде всего от того, кто такой на самом деле его новый знакомый. Можно было потребовать предъявить идентификационную карточку, но Неверов служил в СБ не первый год и знал, как мало могут сказать документы, если перед ним хорошо замаскированный агент сепаратистов со своей легендой или сотрудник ОВРаса — департамен-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	51
Глава 7	57
Глава 8	63
Глава 9	73
Глава 10	82
Глава 11	91
Глава 12	99
Глава 13	105
Глава 14	114
Глава 15	124
Глава 16	133
Глава 17	140
Глава 18	149
Глава 19	159
Глава 20	169
Глава 21	177
Глава 22	188
Глава 23	197
Глава 24	204
Глава 25	216
Глава 26	226
Глава 27	233

Глава 28	242
Глава 29	249
Глава 30	257
Глава 31	266
Глава 32	273
Глава 33	281
Глава 34	289
Глава 35	297
Глава 36	305
Глава 37	312
Глава 38	324
Глава 39	332
Глава 40	338
Глава 41	347
Глава 42	356
Глава 43	362
Эпилог	370